

В.И. Жуковский

Стихотворения

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.И. Жуковский**
Стихотворения: Том 4 / В.И. Жуковский – М.: Книга по Требованию, 2021. –
338 с.

ISBN 978-5-517-95913-3

ISBN 978-5-517-95913-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.

П О В Ъ С Т Ъ .

Замокъ Шильонъ — въ которомъ съ 1530 по 1537 заключенъ былъ знаменитый Бониваръ, Женевскій гражданинъ, мученикъ вѣры и патріотизма — находится между Клараномъ и Вильневомъ у самыхъ восточныхъ береговъ озера (Лемана). Изъ оконъ его видны, съ одной стороны, устье Роны, долина ведущая къ Сепъ-Морицу и Мартини, сѣвныя Валлискія горы и высокіе утесы Мельери; а съ другой Монтре, Шателаръ, Кларанъ, Вева, множество деревень и замковъ; предъ нимъ разстилается необъятная равнина водъ, ограниченная въ отдаленіи низкими, голубыми берегами, на которыхъ какъ свѣтлыя точки сіяютъ Лозанна, Моржъ и Ролль; а позади его падаетъ съ холма шумный потокъ. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ озеромъ, котораго глубина въ этомъ мѣстѣ простирается до 800 Французскихъ футовъ. Можно подумать, что онъ выходитъ изъ воды, ибо совсѣмъ невидно утеса, служащаго ему основаніемъ: гдѣ кончится поверхность озера, тамъ начинаются крѣпкія стѣны замка. Темница, въ которой страдалъ несчастный Бониваръ, до половины выдолблена въ гранитномъ утесѣ: своды ея, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую, необтесанную скалу: на одной изъ колонн виситъ еще то кольцо, къ которому была прикрѣплена цѣпь Бониварова; а на полу, у подошвы той же колонны, замѣтна впадина, вытопанная ногами несчастнаго узника, который столько времени принужденъ былъ ходить на цѣпи своей все по одному мѣсту. Не подалеку отъ устья Роны, вливающейся въ Женевское озеро, недалеко отъ Вильнева, находится небольшой островокъ, единственный на всемъ пространствѣ Лемана: онъ не примѣтенъ, когда плывешь по озеру, но его можно легко различить изъ оконъ замка.

I.

Взгляните на меня: я съдъ ;
Но не отъ хилости и лѣтъ ;
Не страхъ незапный въ ночь одну
До срока далъ мнѣ съдину.
Я сгорбленъ, лобъ наморщенъ мой ;
Но не труды, не кладъ, не зной —
Тюрьма разрушила меня.
Лишенный сладостнаго дня,
Дыша безъ воздуха, въ цѣпяхъ,
Я медленно дряхлѣлъ и чахъ,
И жизнь казалась безъ конца.
Удѣлъ несчастнаго отца :
За вѣру смерть и стыдъ цѣпей,
Удѣломъ сталъ и сыновей.
Насъ было шесть — пяти ужъ нѣтъ.
Отецъ, страдалецъ съ юныхъ лѣтъ,

Погибшій старцемъ на костръ,
Два врата, падшіе во пръ,
Отдавъ на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь.
Три заживо схоронены
На днѣ тюремной глубины —
И двухъ сожрала глубина;
Лишь я, развалина одна,
Себѣ на горе уцѣлѣлъ,
Чтобъ ихъ оплакивать удѣлъ.

II.

На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ;
Тамъ въ подземельѣ семь колоннъ
Покрыты влажнымъ мохомъ лѣтъ.
На нихъ печальный брежетъ свѣтъ,
Лучъ, ненарокомъ съ вышины
Упавшій въ трещину стѣны
И заронившійся во мглу.
И на сыромъ тюрьмы полу
Онъ свѣтитъ тускло-одинокъ,
Какъ надъ болотомъ огонёкъ,
Во мракъ вьющій ночномъ.
Колонна каждая съ кольцомъ;
И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ;
И тѣхъ цѣпей желѣзо — ядъ;
Мнѣ въ члены вгрызлося оно;

Не будетъ ввѣкъ истреблено
Клеймо, надавленное имъ.
И день тяжелъ глазамъ моимъ,
Отвыкнувшимъ съ толь давнихъ лѣтъ
Глядѣть на радующій свѣтъ ;
И къ волю я душой остылъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній былъ
Убитъ неволей предо мной
И рядомъ съ мертвымъ я, живой
Терзался на полу тюрмы.

III.

Цѣпями тѣми были мы
Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены,
Хоть вмѣстѣ, но разлучены ;
Мы шагу не могли ступить ,
Въ глаза другъ друга различить
Намъ блѣдный мракъ тюрмы мѣшалъ ;
Онъ намъ лице чужое далъ —
И братъ сталъ брату незнакомъ.
Была услада намъ въ одномъ :
Другъ другу голосъ подавать,
Другъ другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной пѣснью войны —
Но скоро то же и одно
Во мгль тюрмы истощено ;

Нашъ голосъ страшно одичалъ ;
Онъ хриплымъ отголоскомъ сталъ
Глухой тюремныя стѣны ;
Онъ не былъ звукомъ старины,
Въ тѣ дни, подобно намъ самимъ,
Могучимъ, вольнымъ и живымъ.
Мечта ль? . . . . но голосъ ихъ и мой
Всегда звучалъ мнѣ, какъ чужой.

IV.

Изъ насъ троихъ я старшій былъ ;
Я жребій собственный забылъ,
Дыша заботою одной,
Чтобъ имъ не дать упасть душой.
Нашъ младшій братъ, любовь отца . . . .
Увы! черты его лица,
И глазъ умильная краса,
Лазоревыхъ какъ небеса,
Напоминали нашу мать.
Онъ былъ мнѣ все, и увядать
При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ,
Прекрасный, какъ тотъ дневный свѣтъ,
Который съ неба мнѣ свѣтилъ,
Въ которомъ я на волѣ жилъ.
Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ :
Умомъ младенчески-игривъ,
Безпечно-веселъ самъ съ собой . . . .

Но передъ горестью чужой
Изъ голубыхъ его очей
Бъжали слезы какъ ручей.

V.

Другой былъ столь же чистъ душой;
Но духъ имѣлъ онъ боевой :
Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ,
И въ первый рядъ на смерть готовъ . . . .
Но безъ терпѣнья для оковъ.
И онъ отъ звука ихъ завялъ.
Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
Какъ медленно въ печали гасъ
Нашъ братъ, незримый намъ, близъ насъ.
Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
Гонитель вепрей и волковъ —
И гробъ тюрьма ему была;
Неволи сила не снесла.

VI.

Шильонъ Леманомъ окружёнъ,
И водъ его со всѣхъ сторонъ
Неизмѣрима глубина;
Въ двойную волны и стѣна
Тюрьму совокупились тамъ;

Печальный сводъ , который намъ
Могилой заживо служилъ,
Изрытъ въ скалы подводной былъ ;
И день и ночь была слышна
Въ него біющая волна
И шумъ надъ нашей головой
Струй, отшибаемыхъ стѣной.
Случалось — бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызговъ дождь насъ окроплялъ ;
Случалось — вихорь бушевалъ,
И содрогалася скала ;
И съ жадностью душа ждала,
Что рухнетъ и задавитъ насъ ;
Свободой былъ бы смертный часъ.

VII.

Средній братъ нашъ — я сказалъ —
Душой скорбѣлъ и увядалъ.
Унылъ, угрюмъ, ожесточёнъ,
Отъ пищи отказался онъ :
'Бда тюремная жестка ;
Но для могучаго стрѣлка
Нужду переносить легко.'
Намъ козъ Альпійскихъ молоко
Смѣнила смрадная вода ;
А хлѣбъ нашъ былъ, какой всегда —

Съ тѣхъ поръ, какъ цѣпи созданы —
Слезами смачивать должны
Невольники въ своихъ цѣпяхъ.
Не отъ нужды скорбѣлъ и чахъ
Мой братъ: равно завялъ бы онъ,
Когда бъ и нѣгой окружёнъ
Безъ воли былъ . . . . вачъмъ молчать?
Онъ умеръ . . . . я жъ ему подать
Руки не могъ въ послѣдній часъ,
Не могъ закрыть потухшихъ глазъ;
Вотще я цѣпи грызъ и рвалъ —
Со мною рядомъ умиралъ
И умеръ братъ мой, одинокъ;
Я близко былъ и былъ далёкъ.
Я слышать могъ, какъ онъ дышалъ,
Какъ онъ дышать переставалъ,
Какъ вздрагивалъ въ цѣняхъ своихъ,
И какъ ужасно вдругъ затихъ.
Во глубинѣ тюремной мглы . . . .
Они, снявъ съ трупа кандалы,
Его безъ гроба погребли
Въ холодномъ лонѣ той земли,
На коей онъ невольникъ былъ.
Вотще я ихъ въ слезахъ молилъ,
Чтобъ брату тамъ могилу дать,
Гдѣ могъ бы дневный лучъ сіять;
То мысль безумная была,
Но душу мнѣ она зажгла:

Чтобъ волеяъ былъ хоть въ гробъ онъ.
 „Въ темницѣ (мнилъ я) мертвыхъ сонъ
 „Не тихъ“ . . . . Но былъ отвѣтъ слезамъ
 Холодный смѣхъ; и братъ мой тамъ
 Въ сырой землѣ тюрьмы зарытъ,
 И въ головахъ его виситъ
 Пукъ имъ оставленныхъ цѣпей:
 Убийцъ достойный мавзолей.

VIII.

Но онъ — нашъ милый, лучшій цвѣтъ,
 Нашъ ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ,
 Сокровище семьи родной,
 Онъ — образъ матери душой
 И чистой прелестью лица,
 Мечта любимая отца,
 Онъ — для кого я жизнь щадилъ:
 Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
 Чтобъ послѣ могъ и волеяъ быть . . . .
 Увы! онъ долго могъ сносить
 Съ младенческой тишиной,
 Съ терпѣньемъ яснымъ жребій свой;
 Не я ему — онъ для меня
 Подпорой былъ . . . . вдругъ день отъ дня
 Сталъ упадать, ослабѣвалъ,
 Грустилъ, молчалъ и молча вялъ.
 О Боже! Боже! страшно зрѣть,